

Л. Б. МОДЗАЛЕВСКИЙ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЛЕМИКА ЛОМОНОСОВА И ТРЕ- ДИАКОВСКОГО В «ЕЖЕМЕСЯЧНЫХ СОЧИНЕНИЯХ» 1755 ГОДА

В 1753 году возобновилась литературная полемика вокруг сатиры И. П. Елагина «На петиметра и кокеток», принявшая еще небывалые в литературной жизни того времени размеры; в ней приняли участие почти все литературные силы;¹ эта полемика, как известно, обострила личные отношения Ломоносова и Тредиаковского до крайних пределов. Наступившее в 1754 году некоторое полемическое затишье было недолговременным. Основанный в 1755 году при Академии наук первый в России научно-литературный орган «Ежемесячные сочинения», рассчитанный на широкие читательские круги, дал новую возможность выступлений для борющихся сторон. Журнал этот создавался по замыслу Ломоносова, однако после некоторой внутриакадемической борьбы во главе журнала в качестве его руководителя и редактора оказался академик Г. Ф. Миллер. Мы не будем повторять общеизвестные факты из истории организации журнала,² но остановимся на тех столкновениях Ломоносова с адъюнктом Г. Н. Тепловым, которые имели в дальнейшем, как это будет видно, важное значение в возобновившейся полемике Ломоносова и Тредиаковского.

На фоне академической жизни середины XVIII века заметно, но малоисследованную роль играл академический адъюнкт

¹ См. подробно в кн.: П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 114—146 (В дальнейшем цитируется: П. Н. Берков); П. П. Пекарский. История Императорской Академии наук в Петербурге, т. II. СПб., 1873, стр. 560—563. (В дальнейшем цитируется: П. П. Пекарский).

² П. Н. Берков, стр. 147—153.

(с 1742 года) Григорий Николаевич Теплов (1711—1779).³ Сын солдата-истопника, Теплов при помощи Феофана Прокоповича получил прекрасное образование за границей. 1 июля 1746 года он был назначен ассессором в Академическую канцелярию, а 28 июля 1747 года избран был почетным членом Академии и одновременно определен членом Академического собрания со старшинством по чину его перед академиками, кроме И. Д. Шумахера. Такая головокружительная карьера молодого Теплова основывалась тогда не на каких-либо его научных заслугах, а исключительно на личных отношениях Теплова к фавориту Елизаветы Петровны гр. А. Г. Разумовскому и его брату К. Г. Разумовскому, к которому он был приставлен в качестве наставника и совершил с ним впоследствии трехлетнее (1743—1746) заграничное путешествие. Это путешествие сблизило их, и когда в 1746 году К. Г. Разумовский был назначен президентом Академии наук, Теплов занял в ней исключительное положение. Будучи правой рукой президента и опираясь на дружбу с Шумахером, он имел возможность оказывать большое влияние на решение всех вопросов академической жизни как в Конференции Академии наук, так и в Канцелярии Академии наук. Фактически Теплов управлял вместо К. Г. Разумовского Академией наук и являлся автором регламента Академии наук 1747 года. Участие в дворцовом перевороте 1762 года, возведшем на престол Екатерину II, еще более возвысило Теплова. Он предал К. Г. Разумовского, примкнул к партии братьев Орловых и сделал затем блестящую карьеру, получив в 1763 году должность статс-секретаря по принятию прошений и право доклада непосредственно императрице; именно он подал ей мысль о закреплении украинских крестьян;⁴ в 1767 году Теплов получил уже чин тайного советника, а с 1768 года состоял сенатором. В то же время Теплов был несомненно одним из образованнейших и умнейших людей своего времени, пользовался известностью как писатель, философ и музыкант. Историк В. А. Бильбасов дает ему резкую характеристику, подчеркивая его аморальность: «Биография Теплова еще не написана, но, судя по делам его и по отзывам о нем современников, Теплов представляется нам лицом, выделявшимся своими отталки-

³ Избран адъюнктом по ботанике 3 января 1742 года, выбыл 7 марта 1743 года, но вновь принят адъюнктом в апреле того же года (см.: Л. Б. Модзалевский. Список членов Императорской Академии наук, 1725—1907. СПб., 1908, стр. 19 и 74).

⁴ См.: Г. Н. Теплов. Опыт улучшения быта крестьян. СПб., 1870, стр. 26 и др.

вающими качествами даже среди общества, не отличавшегося моральными достоинствами».⁵

Именно с этим человеком пришлось на протяжении более двадцати лет вести борьбу Ломоносову в Академии наук. Один из реакционнейших государственных деятелей XVIII века, убежденный крепостник, сам вышедший из «низов», Теплов и в Академии примыкал к группе академических реакционеров, которая состояла преимущественно из немецких ученых, возглавлявшихся советником Канцелярии Академии наук Шумахером. Ломоносов никогда не мог простить Теплову того, что он, будучи «природным русским», оказался в числе тех «неприятелей российских», с которыми, не покладая рук, самоотверженно сражался Ломоносов во все время служения своей идее русского народного просвещения. В этом отношении представляет большой интерес один из замечательных исторических документов — письмо Ломоносова к Теплову от 30 января 1761 года, в котором он открыто перечисляет Теплову все его преступления перед русским народом.⁶

23 августа 1754 года был издан указ Правительствующего Сената «О сочинении по судебным местам проектов Уложения по плану прилагаемому и о представлении таковых же проектов из Коллегий с их мнениями и планами на рассмотрение Сената».⁷ Экземпляр указа был прислан и в Академию наук с приложением «Плана к сочинению нового уложения» (получен там 24 августа).⁸ Вокруг этого указа возникла серьезная борьба между

⁵ История Екатерины II, т. II. Берлин, 1900, стр. 209; П. П. Пекарский, т. II, стр. XX, XXI, XXV и др.; см. также подробные фактические сведения о Теплове: П. Н. Семенов. Биографические очерки сенаторов. М., 1886, стр. 16—25; Русский биографический словарь, том «Суворов-Ткачев», СПб., 1912, стр. 471—478 (приведена обширная библиография). О Теплове-музыканте см. библиографию: П. Н. Берков, стр. 304.

— В библиографии Теплова в «Русском биографическом словаре» пропущены следующие важные материалы о нем: А. П. Барсуков. К биографии Г. Н. Теплова. «Киевская старина», 1887, № 1, стр. 169—172; И. Каманин. К биографии Г. Н. Теплова. Там же, 1888, № 11, стр. 84—96; В. П. Горленко. Украинские были. Описания и заметки. Киев, 1899, стр. 30—40. — *Прим. Ред.*

⁶ Известен лишь черновик этого письма (ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 24—28). Впервые опубликовано неточно А. Ф. Вельтманом в «Очерках России», издаваемых Вадимом Пассеком (кн. II, М., 1840, стр. 34—39). Вошло в кн.: П. С. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865, стр. 499—503. (В дальнейшем цитируется: П. С. Билярский). — См. также: М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 10. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 547—554 и 854—859 — *Прим. Ред.*

⁷ ПСЗ.

⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 959, лл. 177—184.

двумя политическими группами в Академии. Одну из них возглавлял Ломоносов, а другую — Теплов и Шумахер. Для правильного понимания политической обстановки того времени, получившей затем отражение в литературной полемике в «Ежемесячных сочинениях», необходимо остановиться на кратком рассмотрении разногласий, возникших в Академии наук в связи с исполнением этого указа Сената.

Решению правительства о пересмотре государственных установлений с целью их улучшения и внесения необходимых поправок в законодательные акты Ломоносов придавал значение важнейшего государственного дела. Это давало возможность Академии наук коренным образом пересмотреть академический регламент 1747 года, уже к 1754 году значительно устаревший и не отвечавший насущным нуждам академической жизни. Во многих своих частях регламент этот тормозил естественное развитие Академии наук. Подготовка материалов по пересмотру регламента была возложена Канцелярией Академии наук на И. И. Тауберта. Независимо от этого Ломоносов в конце 1754 года и в начале 1755 года трудился над специальной запиской, озаглавленной «Важнейшее мнение о исправлении Санктпетербургской Академии наук». До нас дошли лишь черновые наброски Ломоносова, так как до рассмотрения этой записки в Академии дело не дошло по причинам, о которых будет сказано несколько дальше.

В указанной записке Ломоносов с своей стороны подготавливал материалы для изменения академического регламента. Намечая эти изменения, Ломоносов несомненно предполагал и свое положение в Академии наук закрепить высшим назначением, при котором он мог бы быть сильнее Г. Н. Теплова, И. Д. Шумахера и И. И. Тауберта, чтобы иметь возможность «пресечь коварные предприятия» и оказывать большее влияние на ход академических дел (Ломоносов намечал для себя создание должности вице-президента). 29 декабря 1754 года между Ломоносовым и И. И. Шуваловым произошла беседа, из которой Ломоносов мог узнать,⁹ что граф К. Г. Разумовский под влиянием Теплова (автора регламента 1747 года) и Тауберта решил не подвергать действовавший регламент Академии наук полному пересмотру и изменению. Беседа с Шуваловым показала Ломоносову, что его надежды на коренные изменения в соотношении борющихся в Академии сил не могут осуществиться. Ломоносов принял это сообщение Шувалова очень болезненно. На следующий же день он отослал Шувалову письмо (30 декабря

⁹ П. С. Билярский, стр. 279.

1754 года),¹⁰ в котором пришел к мысли покинуть Академию и перейти на службу в другое ведомство. «Из вчерашнего Вашего превосходительства милостивого разговора, — писал он Шувалову, — заметил я, что *злоба преодолевает благости*,¹¹ подкрадываясь под святость высочайших повелений. Итак, ежели невозможно, чтобы я по моему всепокорнейшему прошению был произведен в Академии для пресечения коварных предприятий, то всеуниженно Ваше превосходительство прошу, чтобы Вашим отеческим предстательством переведен я был в другой корпус, а лучше всего в Иностранную коллегия, где не меньше могу принести пользы и чести отечеству». Заканчивая письмо, Ломоносов подчеркивал, чтобы в его «отбытие из Академии ясно оказалось, что она лишилась, потеряв такого человека», который «чрез толь много лет украшал оную и всегда с гонителями наук боролся, несмотря на свои опасности».¹²

Именно к этому времени (начало января 1755 года) и относится одно произведение, напечатанное анонимно в первой книжке «Ежемесячных сочинений» 1755 года (генварь, стр. 68). Мы имеем в виду стихотворение «Правда ненависть рождает»:

Какая красота теперь себя являет?
 Какою святостью мой разум восхищает?
 Коль светел и коль чист от ней блистает лучь,
 Дерзает против бурь, дерзает против тучь?
 Богиня по всему и тишину приводит,
 Во чреве носит плод и с оным к нам приходит.
 И час уж наступил, и время ей родить,
 Прекрасное дитя нам смертным подарить.
 Но коль ужасное чудовище родилось!
 Зубами заскрипев, на мать устремилось.
 Не так свирепствует презлбной крокодил,
 Которого питал в себе великий Нил.
 Не так несътой волк на пасству нападает,
 Как Правду ненависть рожденная терзает.
 О Правда, ты наш свет, ты солнечной восход:
 Возможно ль, чтоб тобой рожден был сей урод?
 Ты дщерь Всевышнего, ты добрых дел царица.
 Но полон скверны¹³ плод! Бесчастна роженица!

П. Н. Берков справедливо указал, что это стихотворение, посвященное «как будто абстрактной теме»,¹⁴ наводит на мысль

¹⁰ Там же, стр. 278.

¹¹ Курсив наш, — Л. М. Здесь, конечно, имеется в виду Г. Н. Теплов.

¹² П. С. Билярский, стр. 288. (Курсив наш, — Л. М.).

¹³ В рукописи (о которой будет сказано ниже): *скверный* — явная описка.

¹⁴ П. Н. Берков, стр. 154. До него упомянул это стихотворение как анонимное В. А. Милютин в своей статье об «Ежемесячных сочинениях» в «Современнике» (1851, № 1, отд. II, стр. 30).

о его полемическом характере. Мы имеем возможность положительно утверждать, что автором его был Ломоносов, а на основании приведенных нами материалов об академической борьбе вокруг регламента 1747 года и о личных отношениях Ломоносова с Тепловым в то время говорить о внутреннем его содержании, отражающем в аллегорической форме эту борьбу.

Мы располагаем той самой рукописью этого стихотворения, с которой текст его набирался для первого номера «Ежемесячных сочинений».¹⁵ Рукопись писана писарской рукой и не имеет подписи.¹⁶ В двух местах имеются поправки отдельных букв, сделанные другой рукой, но по незначительности поправок уловить характер почерка невозможно. По всей вероятности, они сделаны Ломоносовым. Бумага хорошего качества, иностранного происхождения, с маркой «Pro patria» бумажной фабрики «GR» под княжеской короной. При ближайшем рассмотрении почерка нам удалось узнать его — рукопись писана актуариусом Конференции Академии наук Готфридом Альбомом,¹⁷ который именно в это время часто переписывал для Ломоносова его рукописи, представляемые в Канцелярию и Конференцию Академии наук. Никто из академических поэтов (например, А. Л. Дубровский, И. С. Барков, Н. Н. Поповский и др.), кроме Ломоносова, не мог в силу своего подчиненного служебного положения пользоваться услугами академических переписчиков.

Известные нам рукописи перечисленных поэтов почти все писаны ими собственноручно, а те, которые переписывались (мы знаем один случай), писаны рукой неакадемического писаря. А. П. Сумароков, участвовавший в «Ежемесячных сочинениях» с мартовского номера, всегда переписывал, как это нами установлено на основании обнаруженных его рукописей, свои сочинения также собственноручно. То же можно сказать и о В. К. Тредиаковском, который, не имея в Академии наук никакого влияния и власти в это время и стесненный материально, не мог позволить себе роскошь пользоваться услугами переписчика. Впрочем, Тредиаковский как возможный автор интересующего нас стихотворения отпадает в силу отчетливых стилистических и метрических особенностей своей стихотворной

¹⁵ ААН, разр. II, оп. 1, № 217, л. 47.

¹⁶ В конце помета Г. Ф. Миллера: «Печатать в Сочинениях. Г. Ф. Миллер».

¹⁷ Готфрид Яганов (Иванов) сын Альбома, или Албома (род. в 1720 году) находился на службе в Канцелярии Академии наук с 1736 года сперва копиистом, а с 1744 года — канцеляристом; 5 декабря 1748 года получил должность актуариуса, которую занимал и в 1754 году (ААН, ф. 3, оп. 1, № 2332, лл. 30, 96 и 106). Умер в должности протоколита Канцелярии 8 декабря 1765 года (там же, № 535, л. 228).

манеры, а также ввиду того, что им был написан ответ на это стихотворение, о чем будет сказано ниже. Таким образом, палеографический анализ рукописи стихотворения «Правда ненависть рождает» говорит за то, что автором его был Ломоносов.

Стихотворение писано александрийским стихом. Наряду с шестистопным ямбом это была постоянная метрическая форма Ломоносова для небольших стихотворений с высокой тематикой, преимущественно «надписей», а также полемических произведений данного периода его творчества. Фактура стиха, лексические элементы, стилистические, фразеологические и рифмические особенности, наличествующие в стихотворении, полностью соответствуют литературной манере Ломоносова.

Приведем ряд примеров из других его произведений, не оговаривая специально таких особенностей, как употребление слов «дерзает», «являет», «тишина», «ужасный» и др., являющихся постоянными терминами в поэтическом языке Ломоносова.

Уже самый приступ, зачин стихотворения характерен для ломоносовской поэтики:

*Какой¹⁸ приятный Зефир вест
И нову силу в чувства льет?
Какая красота яснее?
Что всех умы к себе влечет?*
(Ода 1742 года).

Какая сладость льется в кровь?
(Ода 1745 года, стихи 58).

*Какая светлость окружает
В толикой горести Парнасс?*
(Ода 1747 года, стихи 111—112)

Какая речь пленяет слух...
(Ода 1761 года, стих 63)

*Какие представляет виды
Отрадой восхищенный ум?*
(Ода на новый 1764 год, стихи 211—212).

Какую радость ощущаю?
(Ода 1750 года).

Из других особенностей отметим обычную для Ломоносова рифму *луч—гуч*:

*Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?*

¹⁸ Здесь и дальше курсивом выделены в стихах Ломоносова характерные обороты и слова, — Л. М.

Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?

(Вечернее размышление 1743 года, стихи 31—34)

Монархия, Твой к нам сверкнул пресветлый луч,
Возжег и осветил всех сердце после туч.

(Надпись 18 декабря 1750 года)

Как вожделенный Солнца луч
Хотя не престая сияет;
Скрывается от мрачных туч,
И не повсюду согревает.

(Ода 1761 года, стихи 101—104).

Сияй, о новый год, прекрасно
Сквозь густоту печальных туч:
Прошло затмение ужасно,
Умножь, умножь отрады луч.

(Начало Оды 1762 года, Петру III).

Параллель к 3 стиху стихотворения «Правда ненависть рождает»:

Коль светел и коль чист от ней блистает луч —
Коль ясен был твой свет очей!

(Ода 1754 года, стих 120).

Параллель к 5 стиху:

Богиня по всему и тишину приводит —
Фортуна вижу я в тебе или Венеру
И древнего дивлюсь художества примеру
Богиня по всему, которая ты ни будь...

(«Фортуна вижу я в тебе или Венеру»)

Богиня новыми лучами...

(Ода 1762 года, Петру III, стих 121).

Богиню родом, красотой...

(Ода 1757 года, стих 32).

И правда тишину лобзает...

(Ода 1761 года, стих 219).

Отметим также часто употребляемую Ломоносовым рифму: *приводит—приходит* с разными вариантами:

Парнасский верьх в восторг приводит.
Не Основатель ли того приходит?

(Ода 1762 года, Петру III, стих 121).

Елисавета к вам приходит,
Отраду с тишиной приводит...

(Ода 1742 года, стихи 255—256).

К наукам матерски *снисходит*,
Щедротою в восторг *приводит*...
(Ода 1750 года, стихи 25—26).

Так, ныне новый год к нам *щастие приводит*
С твоею славою талант наш в верьх *восходит*...

(На фейерверк 1749 года).

Фразе «зубами заскрыпев» соответствует фраза:

Зубами на меня скрипя...
(Переложение Псалма 34, 1750 года).

Параллель к «ужасному чудовищу», устремляющемуся на мать:

Весь свет *чудовища* страшится,
Един лишь смело *устремиться*...
(Ода 1754 года, стихи 154—155).

Характерно для Ломоносова и наделение описываемого «ужасного чудовища» такими качествами, как свирепость и злоба, что было применено им один раз даже при описании крокодила:

И *злости мерския свирепый крокодил*
И *вепрь неистовства* *неодолимых сил*.
(На иллюминацию 25 ноября 1753 года).

Эпитет «свирепый» также обычен для Ломоносова:

От блеску *днёвного светила*
Свирепой *отвращает* *взор*.
(Ода 1747 года, стихи 209—210).

Но, ах, *свирепа* *наша часть!*
(Ода 1761 года, стих 45).

«Великий Нил» как олицетворение огромного водного бассейна, а в данном случае как источник питания «презлобного крокодила» — *Ненависти* встречается у Ломоносова в других местах его одической поэзии:

Как *Нил* народы *напоет*...
(Ода 1747 года, стих 158).

Но малые мои *потoki*
Прими в себя как *Нил широкий*.
(Ода 1750 года, стих 59).

Сравни еще:

И вы! о горды *пирамиды*,
Чем *Нильский* *брег* *отягощен*...
(Ода 1750 года, стихи 123—124).

Выражению: «Которого питал в себе великий Нил» соответствует:

Котора их питала прежде...
(Ода 1754 года, стих 62).

Особенно важно употребленное в стихотворении «Правда ненависть раждает» слово «пасства» через два «с».

У Ломоносова находим это слово именно в такой орфографии.

Плодами, пасствой, блеском руд...
(Ода 1757 года, стих 144).

Наконец, глагольные формы «терзает», «терзаться» и существительное «терзанье» являются постоянными в лексике Ломоносова:

Терзает всех стихий наветы...
(Ода 1752 года, стих 123).

Терзает смертных там гонение и глад...
(Надпись на Новый 1754 год).

На жертву алчной смерти зеву,
Терзанью хладныя руки...
(Ода 1757 года, стих 174).

И сердцем и умом врагов ея *терзает*.
Раченье, ревность, жар *являет* внешний вид.
(Посвящение «Краткого Российского летописца»
1760 года великому князю Павлу Петровичу).

Интересно также употребление слова «бесчастна», т. е. несчастна, несчастна. У Ломоносова встречаем его неоднократно:

Бесчастные! или по истинне блаженны...
(«Письмо о пользе стекла», 1752 года, стих 176).

По всем признакам я *бесчастна* примечаю...
(Демофонт, 1752 года, д. I, явл. 1).

И что ужé теперь *бесчастной* мне начать?
(Там же, д. I, явл. 2).

Младенец лишь один с *бесчастною* сестрой...
(Там же, д. II, явл. 4).

Пойду *бесчастная*... но где мне будет скрыться?
(Там же, д. II, явл. 6).

О, как ты развращен, несчастной Демофонт!

(Там же, д. II, явл. 7).

Бесщастну тайно взять и увезти чрез Поит!

(Там же, д. IV, явл. 7).

Ср. также в трагедии «Тамира и Селим», 1750, д. I, явл. 2 и д. V, явл. 1.

Мы далеко не исчерпали всех возможных лексических и фразеологических параллелей и совпадений, но и на основании приведенных примеров можно окончательно признать, что автором стихотворения «Правда ненависть рождает» является Ломоносов.

Для Ломоносова характерна также постановка общей философской проблемы противопоставления и родства правды и ненависти как чисто философских категорий. В то же время это согласуется с известной аллегорической отвлеченностью и абстрактностью, присущими его классицистскому мышлению.

Тонко зашифрованный аллегорией смысл всего стихотворения можно раскрыть только в том случае, если принять высказанное выше приурочение стихотворения к определенному историческому факту. Борьба с Тепловым и другими «гонителями наук российских» и является тем значительным для Ломоносова фактом огромной политической важности, о котором он писал Теплову в 1761 году: «За общую пользу, а особливо за утверждение наук в отечестве и против отца своего родного востать за грех не ставлю».¹⁹ Смысл аллегии Ломоносова и заключается в том, что та *Правда* (с большой буквы), за которую Ломоносов боролся в Академии наук в течение многих лет, породила «ужасное чудовище» *Ненависть*, которая, «зубами заскрыпав», устремилась на свою «матерь». «Ужасное чудовище» — это Теплов. Порожденный *Правдой* в лице русской царицы, «богини по всему», приведшей «тишину, т. е. предназначенной для насаждения всеобщего благоденствия своих подданных, Теплов не выполнил своего назначения, а стал «терзать» эту *Правду*, т. е. не выполнять высших, исполненных «добрых дел» предначертаний просвещенного монарха («злоба преодолевает благости» — по письму Ломоносова к Шувалову). В данном случае *Правда* — это высочайший указ о пересмотре правительственных установлений для блага подданных. «Ужасное чудовище» — это Теплов, не повинующийся добрым намерениям высочайшей власти «подкрадывается под святость высочайших повелений» — (из того же письма).

¹⁹ П. С. Билярский, стр. 502. — См. также: М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 10, стр. 554. — *Прим. Ред.*

Конец стихотворения вызван временным состоянием отчаяния и бессилия исправить то зло, которое наносится этим чудовищем-уродом Тепловым, олицетворяющим собой *Ненависть*:

Но полон скверны плод! Бесчастна роженица!

т. е. полон скверны, полон нечистого, злого, роженица (Правда) поэтому несчастна.

У нас нет данных утверждать, что до Теплова дошел смысл стихотворения Ломоносова. Поданное в анонимной рукописи Г. Ф. Миллеру для печати, оно появилось в свет в конце января 1755 года, когда вышел январский номер журнала. Во всяком случае отношения Ломоносова и Теплова к этому времени еще более обострились. Для Теплова не была тайной работа Ломоносова над пересмотром регламента 1747 года, которую Ломоносов продолжал в январе 1755 года с еще большей энергией после того, как Шувалову удалось убедить его не покидать своей службы в Академии наук. 15 февраля 1755 года президент граф К. Г. Разумовский ордером в Академическое собрание приказал, согласно указу Правительствующего Сената, рассмотреть собранные Таубертом материалы по пересмотру регламента и решить вопрос, «следует ли сей, в недавнем времени сочиненный регламент и штат в чем-либо отменить или пополнить, и ежели следует, то разобрать, каковы пополнения принадлежат к подаче в Правительствующий Сенат».²⁰ Заседания Конференции происходили 17, 18, 21 и 23 февраля²¹ и на них в основном происходило лишь чтение «учиненных г. асессором Таубертом предложений».²² Целью и К. Г. Разумовского и Теплова было не допустить при этом обсуждении каких-либо выступлений Ломоносова, направленных к коренному пересмотру регламента. По справедливому мнению В. И. Ламанского, Шумахер и Теплов начали внушать «слабому Разумовскому, что Ломоносов, этот фаворит Шувалова, заходит уже слишком далеко, посягает на законы, освященные царскою властью, подкапывается под власть президента».²³ В заседании 23 февраля произошел крупный скандал: «Некоторые члены, — говорится в протоколе, — подали свои мнения на письме на вторую главу предложений г. асессора Тауберта, как о том соглашено было в прошедшем собрании, а некоторые обещали подать впредь. Один г. советник Ломоносов отказался, мнение свое на письме

²⁰ В. И. Ламанский. Ломоносов и Петербургская Академия наук. СПб., 1865, стр. 90. (В дальнейшем цитируется: В. И. Ламанский).

²¹ Протоколы заседаний напечатаны там же, стр. 90—95.

²² В. И. Ламанский, стр. 93.

²³ Там же, стр. 87.

дать не хочет. При прочтении тех мнений, когда г. советник Теплов свое стал прочесть вслух, то учинился спор от г. советника Ломоносова с некими словами, для которых г. советник Теплов объявил, что за учиненным ему от г. советника Ломоносова бесчестием с ним присутствовать в Академических собраниях не может, також и г. статский советник Шумахер говорил, что свое присутствие впредь излишнее признавает; и так все члены разошлись, а Конференции секретарь на себя принял его высокографскому сиятельству о сем деле донести».²⁴ Впрочем, Ломоносов, вопреки этому документу, утверждал,²⁵ что «спор и ссора начались не в то собрание, когда разошлись, но в самое первое», т. е. 17 февраля. Это утверждение Ломоносова касается спора, возникшего уже на первом заседании, когда в проекте Тауберта он увидел новую попытку укрепления положения «чужестранных» профессоров.²⁶

Результатом донесения Г. Ф. Миллера президенту было распоряжение последнего «отрешить» Ломоносова «от присутствия в профессорском собрании».²⁷ Приказ президента поступил в Академию наук 10 марта, в этот день Ломоносов написал Шувалову письмо, полное негодования на Теплова: «Дело мое с Тепловым по Канцелярии произведено письменно (как я теперь уведомился) и мне будет читать секретарь неправедной приговор или выговор письменной! Возможно ли стерпеть, стояв за правду,²⁸ за высочайшее повеление ея императорского величества из Правительствующего Сената, которым указано все права, не взирая и на подписанныя монаршескими руками, к лутшему исправить. Теплов ищет, чтобы Академический регламент (который сочинен им без согласия и без ведома академиком по его прихотям и которым он не токмо многих знатных персон обманул, но и подкрался под святость высочайшего повеления ея императорского величества)²⁹ не был рассматриван, за-

²⁴ Там же, стр. 94—95; донесение Миллера 24 февраля, почти дословно повторяющее протокол, см. там же, стр. 100—101; П. П. Пекарский. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. СПб., 1865, стр. 67.

²⁵ П. С. Биллярский, стр. 289—290.

²⁶ См. в статье А. И. Андреева «Ломоносов и Крашенинников» (Ломоносов. Сборник статей и материалов, под ред. А. И. Андреева и Л. Б. Модзалевского. Л., 1940, стр. 294).

²⁷ П. С. Биллярский, стр. 071 и 293.

²⁸ Курсив наш, — Л. М.

²⁹ Курсив наш, — Л. М. Ср. выше в письме к Шувалову от 30 декабря 1754 года; см. также очень резкий отзыв Ломоносова о Теплове в связи с составлением им регламента 1747 года в записке 1755 года о необходимости преобразования Академии наук: (П. С. Биллярский, стр. 436—437; П. П. Пекарский, т. II, стр. 576). Особенно интересно то место из этой записки, которое касается Теплова и в рукописи зачеркнуто.

тем, что он знает, сколь много найдено будет его пронырства. Того ради начал он отводить указ ея величества из Правительствующего Сената, якобы он до академического регламента не надлежал, чему я противился. Спор и шум воспоследовал. Я осужден! Теплов цел и торжествует. *Виноватой оправлен, правой обвинен.*³⁰ Коварнин³¹ надеется, что он и со мной так поступит, как с другими прежде... Президент наш добрый человек, только вверился в Коварнина. Президентским ордерам готов повиноваться, только не Теплова». Далее Ломоносов просил у Шувалова заступничества перед императрицей и избавления «от Теплова ига».³² Через 2 дня 12 марта Ломоносов написал новое письмо Шувалову, в котором дал некоторые дополнительные разъяснения о своем столкновении с Тепловым.³³ Эти письма возымели свое действие. Благодаря заступничеству И. И. Шувалова перед Елизаветой, президент вынужден был отменить свое решение. 29 марта 1755 года он подписал ордер в Канцелярию Академии наук, в котором распорядился свой прежний ордер о Ломоносове, не оставляя с него копии, возвратит ему обратно в оригинале, а Ломоносову объявить, «чтоб в собраниях Академических ему по-прежнему присутствовать и, как возможно б, стараться ему изготовить к будущей ассамблее, т. е. к наступающему апреля 26 числу, „Слово похвальное государю императору Петру Великому“, которое де им обещано давно сочинить».³⁴ Рассказывая впоследствии в своей «Краткой истории

«Однако надежды еще не видно к исправлению Академии: *вкоренившийся злодей* все еще по своим мыслям в ней обращается. К нему все ходят для спросу; от него все зависит. И недовольно, что толико зла в Академии сделал, но еще новым злом второе закрыть тщится, явно противясь высочайшему повелению ея величества и правительствующего сената о исправлении законов, понося и обижая тех явно и нагло, которые свято почитают оное всемилостивейшее и высокомонаршее повеление ея величества о исправлении законов. В таковой своей бесстыдной продерзости, когда он не обинулся на меня учинить нападение, ведая, что я больше, нежели другие профессора, могу сыскать покровительства, то чего не может он предпринять на других профессорах, которые пред ним трепещут и ничего не смеют молвить, ведая его силу и злое сердце?» (П. П. Пекарский, т. II, стр. 924. Курсив наш, — Л. М.).

³⁰ Курсив наш, — Л. М.

³¹ В рукописи Л. Б. Модзалевского — «коварнин». Так читал ломоносовский текст П. С. Билярский. Правильнее — «коварник» (см.: М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 10, стр. 520, 521). — Прим. Ред.

³² П. С. Билярский, стр. 288—289.

³³ Там же, стр. 289—291.

³⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 466, л. 98 (протокол Канцелярии Академии наук о том же ордере президента см. там же, № 524); там же, № 197, лл. 36—540 (в деле об уничтожении определения о господине советнике и профессоре Ломоносове); В. Н. Ламанский, стр. 102; П. С. Билярский, стр. 293.

о поведении Академической Канцелярии» (1764) об этом деле, Ломоносов писал: «По наговоркам Теплова отрешен был Ломоносов от присутствия в профессорском собрании; однако при дворе³⁵ законно оправдан и отрешение его письменно объявлено недействительным и ничтожным».³⁶

Так закончилась эта громкая в стенах Академии наук история. Заседания, посвященные рассмотрению регламента, прекратились;³⁷ Ломоносову не удалось выступить с своей запиской об «исправлении С.-Петербургской Академии наук». Власть Теплова в Академии оказалась непоколебленной, а его регламент остался неизменным. Враги Ломоносова разгадали истинный смысл его замыслов — необходимость разделения власти в Академии между президентом и его помощником и заместителем (вице-президентом), должность, которую Ломоносов предназначал для себя, чтобы иметь большую власть над «недоброхотами приращения наук в России». Билярский справедливо указывает, что «противники Ломоносова радовались тому, что отстояли регламент и полновластие президента, а Ломоносов в своей неудаче мог утешать себя тем, что не сделал ни малейшей уступки своим противникам и ничем не поплатился за то, что не сошло бы с рук даром никому другому».³⁸

К этому можно добавить, что Ломоносов не только «ничем не поплатился», но восторжествовал и над Разумовским и над Тепловым: президент, очевидно, по указанию императрицы, должен был не только отменить свой приказ о Ломоносове, но и подтвердить ему необходимость сочинения панегирика Петру Великому, начатого еще в 1752 году, — честь по тому времени огромная.

Мы намеренно остановились так подробно на происшедшем в конце февраля 1755 г. столкновения Ломоносова с Тепловым, чтобы показать академическую обстановку того времени и обосновать исключительно враждебные личные отношения Ломоносова и Теплова в конце 1754 и начале 1755 годов. Помимо

³⁵ Курсив наш. — Л. М.

³⁶ П. С. Билярский, стр. 071; М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 10, стр. 290.

³⁷ «Все оное рассмотрение пресеколось коварными происками и наглými поступками, которым самозванный сочинитель (т. е. Теплов, — Л. М.), а следовательно, и защититель оного регламента старался от него отвести высочайший указ», — так писал Ломоносов в записке, относящейся также к 1755 году (П. С. Билярский, стр. 437; П. П. Пекарский, т. II, стр. 576).

³⁸ П. С. Билярский, стр. 294; ср.: В. И. Ламанский, стр. 88. См также неверное и упрощенное изложение всего этого дела у П. П. Пекарского (т. II, стр. 573—578).

значения этого факта для нашей темы, он будет иметь для нас и другое значение, когда мы будем рассматривать в следующей главе рассуждение «О качествах стихотворца», которое приписывается П. Н. Берковым Ломоносову.³⁹

В. К. Тредиаковский был свидетелем всех этих событий, так как сам присутствовал на февральских заседаниях академической Конференции и принимал участие в обсуждении предложений Тауберта по поводу регламента 1747 года. Появившееся анонимно в конце января стихотворение Ломоносова «Правда ненависть рождает», конечно, не могло остаться незамеченным в академической среде. Если мы не имеем, повторяем, доказательств, что Теплов знал, кто его автор,⁴⁰ то в отношении В. К. Тредиаковского можно определенно утверждать, что он раскрыл авторство Ломоносова и вскоре же ответил на его стихотворение своим стихотворением, построенным на теме одного стиха комедии Теренция «Андрия» — «Услужность друзей истинна ненависть рождает», который Тредиаковский поставил заголовком своего ответа Ломоносову. Не исключена также возможность, что Тредиаковский отвечал Ломоносову по поручению Теплова. Как человек беспринципный, Теплов мог в данном случае сыграть на старой вражде Тредиаковского с Ломоносовым и «натравить» Тредиаковского на ответ. Это стихотворение появилось за обычной подписью Тредиаковского «В. Т.» в апрельской книжке «Ежемесячных сочинений» (стр. 391—392). На принадлежность его Тредиаковскому впервые указал В. А. Милютин в 1851 году.⁴¹ Мы располагаем теперь тем самым автографом его, с которого стихотворение набиралось в «Ежемесячных сочинениях»⁴² и поэтому всякие сомнения на этот счет отпадают.

Приводим стихотворение Тредиаковского по печатному тексту с указанием вариантов, не вошедших в печатный текст, по рукописи:

Услужность друзей, истинна ненависть рождает.

(Obsequium amicos, veritas odium parit —
Теренц. в Андрии, д. I, явл. 1).

³⁹ См.: Сб. «XVIII век», под ред. акад. А. С. Орлова, Л., 1935, стр. 327—351; П. Н. Берков, стр. 156—194.

— Указанная в тексте глава из диссертации Л. Б. Модзалевского будет напечатана в следующем выпуске нашего сборника. — *Прим. Ред.*

⁴⁰ Возможно предположить, что Г. Ф. Миллер все же знал это имя и мог сообщить его Теплову.

⁴¹ «Современник», 1851, № 1, отд. II, стр. 25. В издание сочинений Тредиаковского, выпущенном А. Ф. Смирдиным (в 1849 году, — *прим. Ред.*), оно не вошло.

⁴² ААН, ф. 3, разр. II, оп. 1, № 217, л. 218.

Истинна не родила; временем раждает
 Ненависть она в других: Стих то утверждает,
 Равнож и Услужность: производит иногда
 Полк себе так Дружных; а однако не всегда.

Но, хотя по временам, плод почто их разный?
 Милый толь один! другой, толь есть безобразный!
 Обе из родящих в Добродетелях суть цвет;
 Взор обеих красный; равных мало видит Свет,
 В святость Истинна весь ум благолепно вводит;
 Как-от-солнца луч златый от Нея исходит:
 Наглых бурь, туч грозных, не боится та нигде:
 Их превосмогает в крепости своей везде.
 Любящая тишину буйных распрь не сносят;
 Отвлекая всех от Лжи, всех к себе вьявь просит.
 Первородна Правде, и любезна ей Сестра,
 Обличать Неправду, и ссекать ея остра.
 Не имеет, при своем, ничего чужаго.
 Не тщеславна, не пышна, внутрь приемна благо.
 Всем в ея чертоги царская отверста дверь.
 Словом, есть богиня: ибо вышняго та дщерь.

Сеж Услужность какова: Вся кротка, способна;
 В обхождении чесном есть от всех особна.
 С коими сообщенна, предается сердцем им;
 Склонна, и поспешна, лености мы в Ней не зрим.
 Не противится отнюд никогда упрямо;
 Не приказывай ей действ, вдруг творит, что прямио.
 И предупреждает действия Сама-еще,
 Смотрит, зря и тщится, делу чтоб не быть вотще.
 Коль к верховнейшей родством Действенности ближе,
 Ищет здесь толь быть всегда предо всеми ниже.
 И сия есть, вкратце, также из богинь не вновь:
 Чистая на Небе родила ея Любовь.
 Зная уж в обеих Сих толь велику драгость,
 Мнилось-бы, что-долг-раждать Им всегдашно Благость.

Чтож-одна-раждает Ненависть, друга Другов
 Изьяснить ту разность, мало, мню, потребно слов:
 Истинна, и в красоте, несколько сурова;
 А Услужность повсегда угождать готова.
 Истинна жаеет всюду госпожею быть;
 А Услужность хочет некак всем рабыней слыть.
 С правдой Истинна своей твердо говорлива;
 Но Услужность и терпя зрится молчалива.

Истинну ль возлюбят Велемнящий? Да что ж?

Крайню Раболепность: Истинна таким как-нож.

В. Т.

Смысл этого ответа Тредиаковского остро полемичен и заключает в себе несколько незамаскированных выпадов против Ломоносова.

Вначале Тредиаковский анализирует разницу между плодами Истины (Правды) и Услужности.

Истина не родила; она со временами рождает ненависть в других. Услужливость же иногда производит «полк себе друж-

ных», но не всегда. Но почему же плоды Истины и Услужности временами бывают разными; один из них «милый», а другой «безобразный» — задает вопрос Третьяковский. Ведь и Правда и Услужность («обе из родящих») являются цветом Добродетели. Взор обеих — «красный», и равных между собой «мало видит Свет». Истина не боится «наглых бурь» и «грозных туч», она их «превозмогает в крепости своей» и как любящая тишину, не терпит («не сносит») «буйных распрь». «Любезная» сестра Истины — Правда «первородная» «остра ссекать» и «обличать» Неправду и не имеет ничего чужого, она «не тщеславна, не пышна», в ее чертоги «царская отверста дверь». Словом Правда — это богиня, так как она дочь «вышнего».

Услужность же не такова: она «кротка» и «в обхождении чесном», т. е. открыто, прямо, стоит особняком; но с кем она вместе — тому предается сердцем; она подобоострастна («склónна») и «поспешна» на услуги, не знает лености, никогда открыто не сопротивляется «упрямо», ей не надо приказывать, она делает все сама и еще сама предупреждает приказания, наблюдает, чтобы «делу не быть» напрасным, и если она находится в родстве с вышестоящими, имеющими власть («верхнейшей действительности»), старается «быть всегда пред всеми нйже», т. е. показать, что она не имеет значения. Услужность — тоже богиня и не новая. На Небе, т. е. у Бога, ее родила чистая Любовь. Казалось бы, зная и в Правде и в Услужности столь великие добродетели («драгость»), можно было бы ожидать от них появления «всегдашней Благодати».

Почему же одна (Правда) рождает Ненависть, а другая (Услужность) рождает Друзей («Другов»)? Третьяковский разъясняет эту разницу, так как полагает, что для этого не нужно много слов («мало, мню, потрбно слово»):

Истинна и в красоте, несколько сурова,
 А Услужность повсегда угождать готова.
 Истинна желает всюду госпожею быть;
 А Услужность хочет никак всем рабыней сыть.

Истина свою правду говорит твердо и открыто, а Услужность терпит и прикидывается молчаливой («зрится молчаливо»).

Иначе говоря, Правда всегда действует открыто, а Услужность действует молча, скрытно.

В заключение Третьяковский восклицает:

Истинну ль возлюбят Велемнящи? Да что ж?
 Крайню Раболепность: Истинна таким, как-нож.

В последних двух строчках стихотворения и раскрывается направленность его против Ломоносова. В нем он показан как «Велемнящий» (с большой буквы), т. е. человек исключительно самонадеянный, мнящий о себе. Для таких, как он, Истина (Правда) — это нож, т. е. нечто недоступное, неприемлемое. Им присуща даже не Услужность, но «крайняя раболепность».

Такая характеристика Ломоносова не является чем-то новым со стороны Тредиаковского. Достаточно указать на то, что еще в 1750 году в вычеркнутом месте «Предуведомления» к «Аргениде» Тредиаковский называл Ломоносова «тщеславным», «по тщеславию безумным и всем несносным», «высокомерным», «самолюбным», а в басне «Пес чван» — «спесивым», «чванливым». Теми же эпитетами награждали Ломоносова и авторы полемических произведений (Тредиаковский, Елагин) в 1753 году. Количество таких примеров можно было бы умножить, но в данном случае в этом нет особой надобности. Poleмичность ответа Тредиаковского в отношении стихотворения Ломоносова «Правда ненависть рождает» бесспорна.

Смысл этого ответа Тредиаковского становится ясным, если учесть общественно-политическую обстановку в Академии наук в начале 1755 года, о которой мы говорили выше в связи с академическим инцидентом 23 февраля 1755 года. Продолжая общую линию уязвления Ломоносова, Тредиаковский своим ответом наносил ему чувствительный удар.

Для Ломоносова Правда приобретала особый, высший смысл — патриотического и государственного дела. А Тредиаковский эту Правду сравнивал с другой «добродетелью» — Услужностью, находя в них обеих общие положительные черты и утверждая, что плод Правды является «милым», а плод Услужности — «безобразным», имея в виду под этим последним плодом Ломоносова, «услужность» которого перед высшей государственной властью переходит будто бы в «раболепие». Ломоносов — это друг высочайшей власти, а отсюда — «Услужность друзей, истина ненависть рождает», т. е. Ломоносов как раболепный исполнитель воли императрицы Елизаветы Петровны порождает своей услужливостью перед верховной властью ненависть в других честных и бескорыстных, с точки зрения Тредиаковского, подданных, сеет вражду среди них и вообще является лицом «безобразным», как плод Услужности.

В число этих честных и бескорыстных людей, любящих Правду, Тредиаковский несомненно включал себя в первую очередь, а затем, возможно, и Теплова, находившегося тогда в числе «соратников» Тредиаковского в их борьбе против Сумарокова и его поэтической школы. Достаточно указать на то,

что в 1750 году Тредиаковский написал по заказу Теплова обширный «трактат» «Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю. 1750», направленный целиком против Сумарокова и наполненный критикой его сочинений. К началу 1755 года отношения Тредиаковского и Теплова внешне оставались прежними, но внутренние противоречия их отношений, наметившиеся за эти (1750—1755) годы и основанные на разности их социального положения (усиление власти Теплова в Академии наук и увеличение бесправия Тредиаковского), привели к концу года к их полному разрыву, сказавшемуся губительно на всей дальнейшей ученой и политической карьере Тредиаковского в Академии и повлекшему за собой в результате его отставку в 1759 году. Мы говорим, с одной стороны, об известном подметном («пасквильном») письме Тредиаковского к Ломоносову, подкинутом в октябре 1755 года, содержащем в себе резкие нападки Тредиаковского на академиков-иностранцев, «злодейские ругательства советнику Теплову» и задевавшим самого президента, а с другой — о записке Теплова с разоблачениями Тредиаковского, написанной тогда же.⁴³

В ответе Тредиаковского на стихотворение Ломоносова «Правда ненависть рождает» сказалась также разность их литературных позиций. Обвинение Ломоносова в крайнем «раболепии», помимо того общественно-политического значения, о котором мы только что говорили, имело и другое значение. Тредиаковский хотел подчеркнуть «раболепию» Ломоносова в его литературно-художественных произведениях, в одах, которые уже по своей природе и жанру несли в себе функцию славословия верховной власти, прославляли добродетели императрицы и одновременно имели характер той «гремящей», «пышной» и «надутой» поэзии, против которой выступали и Тредиаковский и Сумароков с разных художественно-эстетических позиций. Разоблачая Ломоносова как «раболепного» певца Елизаветинской монархии, Тредиаковский под влиянием полемического задора сознательно закрывал глаза на другие стороны одической поэзии Ломоносова, которая несла в себе прогрессивную функцию, — дидактизм, просветительство и те «уроки царям», которые у самого Тредиаковского, может быть

⁴³ Текст подметного письма неизвестен. Записка Теплова напечатана впервые Пекарским в «Сборнике Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук», т. VII, 1870, стр. XV и XXVI—XXXV. См. также: П. П. Пекарский, т. II, стр. 188—197.

даже больше, чем у Ломоносова, содержатся в его переводах «Аргениды», а затем и «Тилемахиды» (1766).

Тредиаковский хотел подчеркнуть также, что «крайнее раболепие» Ломоносова перед властью несовместимо с Правдой. В этом можно видеть определенный намек Тредиаковского на факты, свидетелем которых он был сам. Правда — это наказание Ломоносова за его поведение в заседании 23 февраля — распоряжение президента об «отрешении» Ломоносова от присутствия в Конференции Академии наук. «Услужность» же и особенно «крайняя раболепность» Ломоносова перед престолом привели к тому, что Правда была отвергнута, наказание было отменено высшей властью, контрраспоряжением императрицы через заступничество (то же «услужность другим») И. И. Шувалова. Отсюда у защитников Правды родилась ненависть к несправедливости подобного исхода громкого академического инцидента.

Под такой казалась бы философской, отвлеченной и аллегорической формой двух произведений Ломоносова и Тредиаковского мы усматриваем подлинные черты бурной общественно-политической и литературной полемики Ломоносова и Тредиаковского, обусловленной их различным социальным положением и художественно-эстетическим восприятием действительности.

Так закончилась на данном этапе острая литературно-политическая борьба художественно-эстетических систем, своеобразными яркими представителями которых были Ломоносов и Тредиаковский. Эта полемика возобновилась затем несколько позже, в 1757 году по поводу антиклерикального ломоносовского «Гимна бороде».⁴⁴

⁴⁴ Хотя «Правда ненависть рождает» и не является внешне полемическим стихотворением, Ломоносов все же не перепечатал его в собрании своих сочинений 1757—1759 годов. В это собрание сочинений не вошли, как известно, и другие полемические стихотворения. Для Ломоносова все они были произведениями малых жанров и занимали в его классицистской поэтике подчиненное место. В собрание сочинений он включал лишь произведения больших жанров, к которым принадлежали в первую очередь оды и похвальные надписи, а также похвальные слова или речи — все с «высокой» поэтической тематикой.

Истолкование Л. Б. Модзалевским стихотворения Тредиаковского не представляется нам полностью правильным. Мы предполагаем вернуться к этому вопросу в одном из следующих выпусков нашего сборника. — *Прим. Ред.*